

Глава 1

Высокая девушка в длинном голубом пуховике, нарисовавшаяся в зеркале заднего вида, сразу привлекла мое внимание. Она нервно озиралась по сторонам, подозрительно приглядываясь к машинам и прохожим. У меня ни на секунду не было сомнений, что эта странная особа и есть моя новая клиентка. Катя позвонила мне около часа назад, ее голос дрожал, а сбивчивые слова совсем не вязались друг с другом. С большим трудом, с помощью наводящих вопросов, мне все-таки удалось выяснить, что у нее возникли проблемы с машиной, но в милицию обращаться она категорически отказывалась. Мы договорились о встрече. Я тотчас собралась и выехала на условленное место.

Девушка подходила все ближе и ближе, но вдруг поскользнулась и едва не угодила под заднее колесо моей «девятки», стоящей на парковке около Детского парка. Поднявшись, она присмотрелась к номеру и, на-

верное, поняла, что нашла то, что искала. Я открыла дверцу и окликнула Катю, но клиентка неожиданно впала в ступор. Как ледяная статуя, она застыла около моей машины и не могла ни сдвинуться с места, ни вымолвить хотя бы слово.

— Катя! — снова позвала я, но на лице девушки застыл испуг. — Катя, это я, Татьяна Иванова, вы звонили полчаса назад. Прошу вас, садитесь и объясните мне толком, что у вас стряслось. Я постараюсь вам помочь.

От моих слов клиентка немного оттаяла и на негнущихся ногах пошла к открытой дверце. Усаживаясь на переднее сиденье, Катя ударилась головой о крышу салона, но даже не ойкнула, закрывая дверь, прищепила полу длинного пуховика, но даже не заметила этого. Несколько секунд она не моргая смотрела в стекло, прямо перед собой, отдавшись во власть мрачных дум, потом разрыдалась, закрыв лицо руками и содрогаясь в нервных конвульсиях. Я не приставала к ней с вопросами, понимая, что надо дать клиентке выплакаться, иначе она так и не скажет ни одного слова. Я всегда старалась подстраиваться под характер и темперамент клиентов, ведь они кормят и одевают меня. Прежде чем задавать вопро-

сы, мне пришлось милостиво позволить Катерине выплакаться.

Время шло, громкое рыдание перешло в тихий, почти беззвучный плач. Потом Катя постепенно стала успокаиваться, но не спешила рассказывать о своей беде. Пауза в нашем общении слишком затянулась. Молчание может настораживать или успокаивать, угнетать или ободрять, быть приятным или безразличным. Меня то молчание сильно интриговало. Мне было до жути интересно, что же такого особенного произошло с тачкой этой нервной девицы, если недавнее происшествие напрочь выбило ее из колеи. То, о чем она говорила мне по телефону, носило характер горячего бреда. Скорее всего, многое было преувеличено, но какая-то доля правды, наверное, все-таки была в ее словах. Особенно Катерина настаивала на том, что в милицию ей обращаться никак нельзя.

— Вы точно сможете мне помочь? — с надеждой спросила она.

— Я приложу все усилия, чтобы это сделать, но вы толком не сказали, что именно у вас произошло.

— Как? Я же все рассказала вам по телефону! Разве вы меня не слушали?

— В ваших словах был сплошной сумбур. Я хотела бы услышать о том, что с ва-

ми приключилось, еще раз, с самого начала и по порядку, а главное — поменьше эмоций.

— Хорошо, я повторю. У меня угнали «шестерку», прямо с платной автостоянки. Я пошла сегодня утром забирать машину, а ее там нет, — выпалила клиентка на одном дыхании, потом разразилась новыми рыданиями.

«Может, она по своей натуре обыкновенная паникерша, и ничего из ряда вон выходящего не произошло?» — с досадой подумала я. Мое воображение уже нарисовало самый настоящий триллер, а тут, оказывается, был банальный угон, а клиентка — клиническая истеричка. Тачки уводят и из охраняемых гаражей, и со стоянок. Правда, «шестерка» не такая уж дорогая и престижная модель, чтобы на нее могли позариться при таких обстоятельствах, когда есть риск быть замеченными и остановленными охранниками. Обычно рядовые машины угоняют прямо с улицы. Ну почему же Катенька боится обращаться в милицию? Возможно, машина принадлежит родителям или мужу, и она не хочет шумихи. «Как же она убивается, бедняжка! Может, ей грозит смертельная опасность? Да, здесь определенно есть какая-то интрига! Таня,

подожди еще немного, скоро ты все узнаешь».

— Нет, все началось не сегодня, а вчера в середине дня, а может быть, даже еще раньше, — сказала клиентка и высморкалась. — Простите...

— Так, когда угнали машину? — уточнила я.

— Сегодня, или вчера вечером, или ночью, — продолжила Катерина срывающимся от волнения голосом. — Я точно не знаю. Вчера около четырех часов я оставила машину на стоянке, а сегодня утром ее уже там не было. Представляете?

— Возможно, ее забрал кто-то другой, — я осторожно намекнула на то, что пока не вижу ничего криминального. — Кто-нибудь из ваших близких имеет ключи от «шестерки»?

— Имеют, но не в том дело. Ее угнали, потому что там... потому что там, в багажнике... да, в багажнике... Я не знаю, как вам это сказать.

— Как есть, так и говорите.

— В багажнике был труп, — еле слышно проговорила Катя и закрыла лицо руками.

«Опаньки! Таня, сюжет начинается лихо закручиваться. Банальным угоном здесь уже и не пахнет», — подумала я и решила сразу же «брать быка за рога». Катя дрожала, как

в лихорадке, и закрывала лицо руками, вероятно, чувствуя свою вину.

— Вы наехали на человека и спрятали труп в багажник своей машины? — Я высказала вслух свое первое предположение, не успев толком обмозговать такой поворот событий и проявить деликатность.

— Да как вы могли такое подумать! Ни на кого я не наезжала! Я понятия не имею, откуда он там взялся. Вы мне не верите! Я так и думала, что мне никто не поверит. Это ужасно, ужасно...

— Успокойтесь, я не собираюсь обвинять вас во лжи. Просто сам собой напрашивается вывод — если вы знали, что в багажнике жмурик, и оставили машину на платной стоянке, значит, дали себе время на размышления, что делать с ним дальше.

— Нет, все было не так! Я к вам за помощью обратилась, а вы меня сразу обвиняете! Выходит, что зря позвонила вам. Придется мне самой все это как-то расхлебывать. — Катерина открыла дверцу и собралась выйти, но я ее остановила.

«Может, эта дуреха здесь действительно ни при чем, — подумала я и подбадривающе улыбнулась заплаканной девушке. — Надо ее внимательно выслушать».

— Простите, если я вас обидела своими подозрениями. В моей частной практике

всякое бывало. Я просто хотела знать правду, и меня радует, что вы никого даже по случайности не отправляли на тот свет. — Я заметила, что Катя грустно улыбнулась, поэтому попросила: — Расскажите мне, пожалуйста, все с того самого момента, когда вы обнаружили труп в багажнике. При каких обстоятельствах это произошло?

— Вчера я вышла из дома и подошла к своей машине, которая стояла во дворе, чтобы поехать на работу. Перед этим всю ночь и весь день шел снег, «шестерку» завалило, и я хотела достать из багажника щетку, чтобы смести снег. Открыла его, а там... — Катя замолчала и внимательно посмотрела на меня, словно пыталась оценить, какое впечатление произвели на меня ее слова. Удостоверившись, что я слушаю ее с подобающим вниманием, она театрально воскликнула: — Там было такое!.. Это ужасно! Страшнее самых безумных фантазий! Он смотрел на меня!

— Кто смотрел? Покойник? Или там был еще живой человек?

Катя отчаянно замахала руками и произнесла тихим вкрадчивым голосом:

— Нет, конечно, покойник. Я понимаю, что мертвец уже ничего не видит, но его глаза были открыты, и создалось впечатление, что он смотрит на меня. Знаете, в них

был такой страх, будто покойник сам меня испугался. Я же, как увидела его, едва в обморок не упала. Впрочем, упасть я не могла, потому что все мои внутренности словно бы сжались, а мозг сковало от ужаса. — Катя театрально закатила глаза, и мне показалось, что она заранее подготовила все эти реплики и жесты. — Я ничего не соображала. Кошмар той минуты, наверное, останется со мной на всю жизнь... Мало-помалу я стала приходить в себя, обрела способность двигаться и кое-что соображать. Оглядевшись по сторонам, я поняла, что никого рядом нет и никто не видел труп, поэтому просто закрыла багажник, смахнула рукавом снег с лобового стекла и села в машину. Вы спросите меня, почему я не позвонила в милицию?..

— Конечно, спрошу. Почему вы сразу же не вызвали милицию?

— Дело в том, что я работаю в театре, у нас вчера была премьера, и опоздать на нее я просто не имела права. Милиция наверняка бы меня быстро не отпустила, значит, я опоздала бы и подвела всю труппу и режиссера. У меня выход уже в первом акте, а грим очень сложный. Я решила, что обращусь в милицию после спектакля, но не получилось.

М. Серова

■ — Почему?

— Мне не дали уйти. Знаете, спектакль прошел с большим успехом, мне даже сказали, что я превзошла себя. На репетициях мне не хватало экспрессии, а на премьере страсти кипели. Никто же не знал, что я пережила, какое потрясение испытала! Наверное, это и помогло мне сыграть иначе. — Катерина замолчала, и я поняла, что непременно должна что-то ей сказать, морально поддержать.

— Да, наверное, это было щекочущее нервы ощущение. Вы знали, что в вашей машине труп и вам рано или поздно придется как-то разруливать эту ситуацию?

— Вот именно! Но обращение в милицию снова отложилось на потом. Сразу после спектакля был фуршет в театральном буфете. Я, конечно, заранее знала об этом и хотела незаметно улизнуть, но меня буквально силой задержали. Знаете, Татьяна, в этой пьесе у меня была первая серьезная роль, не самая главная, но и не эпизодическая. Я так ждала этой премьеры... Фуршет для меня тоже очень много значил. Я подумала, что на улице холодно, поэтому труп быстро не станет разлагаться и можно немного повременить с тем, чтобы обратиться в милицию. Вы, наверное, считаете меня циничной и бездушной? Сознание того, что я совершаю что-то противозаконное, силь-

но тяготило меня, но иного выхода у меня не было. Татьяна, а как бы вы поступили на моем месте? — Клиентка вперилась в меня немигающим взглядом.

— Я понимаю, что срывать премьеру было смерти подобно, во всяком случае, из театра вас могли бы и попросить после этого. Но как вы не испугались ехать на машине с таким опасным грузом? Вдруг вас остановили бы гаишники и, не дай бог, стали бы делать досмотр автомобиля? Увы, такое иногда случается. — Глаза Катины округлились, и я подумала, что она, вероятно, сядя за руль, даже не подозревала, что ей грозит такая опасность. — Я бы на вашем месте, пожалуй, оставила бы тачку на месте и отправилась в театр на такси или на общественном транспорте, а уже потом обратилась бы в милицию. А вы, Катя, действовали очень неосмотрительно.

— Возможно, вы правы. Но я была так ошарашена произошедшим, что все предусмотреть не могла. Когда страх немного отпустил меня, я прикинула несколько вариантов, и этот выход показался мне самым лучшим. Я имею в виду — поставить машину на стоянку, чтобы никто к ней не прикасался. В голове было только одно — в театр опаздывать нельзя, вот я и села за руль, но ехала очень аккуратно, скорость не пре-

вышала, никого не обгоняла, у светофоров и пешеходных переходов останавливалась. Знаете, мое сердце стучало, как перегретый мотор, но я постаралась справиться с этим волнением.

«И это называется, что она ничего не соображала! — усмехнулась я про себя. — Интересненькое дельце! А, может быть, Катенька все-таки лапшу на уши мне вешает? Она ведь, оказывается, актриса! Ей не составит особого труда разыграть этот панический страх и растерянность. Впрочем, если она сейчас играет, то очень бездарно. Ее рассказ слишком уж напыщенный. Ладно, послушаю дальше». Я достала из кармана пачку сигарет и предложила Кате закурить.

— Спасибо, я не курю. Выпить могу, а к сигаретам равнодушна, тем более от курения голос портится, а для моей профессии это почти катастрофа. Ой, простите, наверное, это происходит не со всеми. Вот на вас курение никак не повлияло. Так, на чем же я остановилась?

— Вы сказали, что поехали на машине в театр, намереваясь позвонить в милицию после спектакля.

— Да, да, так я и собиралась поступить. Но на фуршете, сами понимаете, я выпила, поэтому после него обратиться в милицию не могла, ведь идти на стоянку в таком со-

стоянии было глупо. Я никогда пьяной не сажусь за руль, поэтому мне показалось, что логичнее всего сделать это утром.

— Что — это?

— Прийти за машиной, отъехать куда-нибудь со стоянки, потом открыть багажник, удивиться и вызвать милицию. Так я и собиралась поступить. Знаете, я шла сегодня на стоянку с надеждой, что произойдет чудо, что труп исчезнет из багажника так же неожиданно, как и появился там. Пришла, но уже с улицы заметила, через сетку-рабицу, что моей «шестерки» нет. Покойник исчез вместе с машиной, но это меня не обрадовало, а, наоборот, напугало. Я не знала, что мне делать дальше. Угон стал очередным ударом. Я бродила по улицам в поисках нужного решения, а потом меня осенило: надо обратиться к частному детективу.

— Подождите, Катя, так вы не спрашивали у охранника, где ваш автомобиль, кто его забрал?

— Нет, я очень испугалась и решила не обращать на себя внимания.

— Может, «шестерку» забрал кто-то из ваших близких?

— Это исключено. Ключи есть только у моей мамы, но она ведь не знала, что моя машина находится именно на той стоянке!

К тому же я видела ее в зале, а после спектакля мы обмолвились несколькими словами. Мама ничего не говорила о том, что ей нужна моя «шестерка». Сегодня я на всякий случай позвонила мамочке, правда, ничего не стала объяснять, но между делом выяснила, что ее «Пежо» на ходу. Я сначала подумала, что кто-то заявил в милицию на счет трупa, а потом предположила, что «шестерку» угнал тот, кто положил туда труп. Что он задумал, мне неизвестно. Конечно, мне надо было сразу обратиться в милицию, а теперь это невозможно. Мне там не поверят, и вы, наверное, тоже не верите. — Клиентка сделала кислую мину, мне показалось, что она снова вот-вот заплачет.

— Катя, все, что вы говорите, не вызывает у меня никаких сомнений, — заверила я артистку, чтобы предотвратить очередной поток ее слез, хотя мои слова были правдой лишь отчасти. Сюжет Катиного рассказа казался мне далеким от реальности, похожим на детектив в духе зарубежных классиков этого жанра. Впрочем, в жизни порой встречаются и надуманные острые сюжеты. Я решила пока не уничивать клиентку своими подозрениями, поэтому предупредила: — Я сейчас буду задавать вам много вопросов, но вовсе не потому, что не верю вам. Просто для того, чтобы начать расследова-

ние, мне надо знать буквально все детали. Понимаете?

Катерина вместо ответа кивнула. Она была согласна удовлетворять мое профессиональное любопытство.

— Вы на все сто процентов уверены, что это был труп человека, а не живой человек и не кукла?

— Кукла? — удивилась актриса. — Зачем подсовывать мне куклу?

— Ради розыгрыша.

— Я уверена, что там был мертвец, — твердым голосом сказала Катерина. — Мне запомнились его голубые-голубые глаза и примерно трехдневная небритость на лице.

— Значит, это был труп мужчины. Вы с ним были знакомы при его жизни или по крайней мере видели его когда-нибудь раньше, возможно, мимоходом?

— Нет, никогда не видела.

— Это был молодой мужчина, средних лет или старый?

— Трудно сказать, — Катя немного подумала, затем сказала: — Думаю, что тридцать ему уже было. Скорее даже около тридцати пяти.

— Вы видели кровь?

— Нет, крови, кажется, не было видно, труп был во что-то завернут, в одеяло или
■ коврик, я точно не помню. На виду была

только его голова. Знаете, у него были темные волнистые волосы средней длины, до плеч. Они прикрывали уши. Мне почему-то кажется, что этот человек при жизни не был бедным. Я не могу точно объяснить, на чем основано мое мнение, но я почти уверена, что это не бомж. Знаете, Татьяна, у него был приоткрыт рот, и я запомнила его зубы. — Катя неестественно оскалилась, обнажая свои ровные крупные зубы. — Да, именно зубы позволили мне сделать такой вывод.

— Они были золотыми?

— Нет, они были белыми-белыми, как в рекламе зубной пасты.

— Ясно, вот видите, вы успокоились и много сведений, полезных для расследования, вспомнили. А теперь давайте подумаем, когда покойник мог попасть в вашу машину. Вы ведь, наверное, уже задавались этим вопросом?

— Да. Времени, чтобы его туда подложить, было много, но я думаю, что это сделали позапрошлой ночью.

— Почему именно ночью?

— Ночью свидетелей нет, все спят.

— Это еще не факт. Когда вы в последний раз заглядывали в багажник?

— Позавчера вечером, там его не было. Перед тем как поехать из театра домой, я

достала из багажника щетку, смела снег и потом села за руль. По дороге я нигде не останавливалась и не выходила из машины до самого дома. На ночь я всегда оставляю машину во дворе, так многие делают. У нас двор замкнутый, въезд через железные ворота арки, они закрываются на замок.

— В котором часу вы приехали домой?

— Около девяти вечера, сразу после спектакля. У меня была эпизодическая роль в первом акте.

— Значит, теоретически труп мог появиться в вашей машине в промежуток с двадцати одного часа до пятнадцати тридцати следующего дня. — Я стала рассуждать вслух. — Да, наверное, вы, Катя, правы, скорее всего, его загрузили туда глубокой ночью. Часика в три-четыре, когда в доме уже не осталось горящих окон. А скажите-ка мне, у кого-нибудь из жильцов вашего дома есть такая же или похожая модель, словом, классические «Жигули»? Кстати, вы не уточнили, какого цвета ваша «шестерка».

— Красного. Вы думаете, мою машину перепутали с другой?

— Я не исключаю такой возможности.

— «Шестерки» и «семерки» есть, но только не красные. Хотя ночью под снегом
■ цвета не различишь.

— Вы всегда оставляете свое авто на одном и том же месте?

— Да.

— И позавчера ваша «шестерка» стояла там же? — уточнила я, и Катя утвердительно кивнула головой. — А в непосредственной близости были другие «Жигули»?

— Нет. С одной стороны «Газель» стояла, за ней «БМВ», а с другой мама обычно ставит свой «Пежо», когда ночует у меня. Это бывает не так часто, поэтому это место той ночью пустовало. Чуть поодаль «ракушка» с горбатым «Запорожцем», вот и все близкое соседство. А «шестерка» и «семерка» с другой стороны дома паркуются.

— Может быть, вы обратили внимание на какие-нибудь следы около машины?

— Нет, никаких следов не было. Все было завалено снегом.

— Разумеется, вы не заметили, чтобы за вами вчера кто-то следил?

— Не заметила, хотя, когда ехала в театр, приглядывалась к окружающим машинам. Ничего и никого подозрительного не заметила. Впрочем, был снегопад, и видимость оставляла желать лучшего. Пришлось включать габаритные фары.

— Катя, может быть, вы кого-нибудь подозреваете в этом преступлении? — спро-

сила я, внимательно наблюдая за реакцией актрисы.

— Татьяна, вы какая-то странная! Я понятия не имею о том, как звали убитого, кто он таков, так как я могу кого-то подозревать в его убийстве?

— Наверное, я неправильно выразилась. Мне хотелось бы знать, есть ли у вас враги или недоброжелатели, которые могли устроить вам такую подлянку — свалить на вас убийство?

— Нет, у меня нет врагов, — сразу же заявила Катерина.

— А если хорошенько подумать?

Катя пожала плечами и устремила на меня растерянный взгляд. Теперь, когда она перестала рыдать и открыто смотрела на меня, я смогла лучше разглядеть черты ее круглого лица. Они были крупными, хотя правильными я бы их не назвала. Большие серо-зеленые глаза казались слишком далеко расставленными друг от друга, нос с заметной горбинкой, а губы — чрезмерно пухлыми. Тем не менее это была довольно эффектная особа, не лишенная привлекательности.

— Извините, но я не могу даже представить себе, кто из моих знакомых способен на такое.

■ — Вполне возможно, что покойничек

по чистой случайности попал в твою машину. Насколько я поняла, ты думаешь точно так же. Значит, так, я считаю, что начать ее поиск надо со стоянки. Кстати, давай перейдем на «ты»! — предложила я.

— Давай, — согласилась Катерина. — Вы... то есть ты пойдешь сейчас на стоянку и поговоришь с охранником?

— Нет, туда пойдешь ты, причем так, будто сегодня там еще не была. Искренне удивишься, что твоей машины нет, и поинтересуешься у охранника, где, собственно, она.

— Я боюсь.

— Чего?

— Вдруг ее милиция оттуда забрала. Может быть, им кто-то сообщил, что в моей машине труп, они и забрали ее, а на стоянке устроили на меня засаду. Кстати, утром в будке охранника была какая-то толпа, я это через окно увидела, вот и побоялась себя обнаружить.

— Да, такой поворот событий возможен. В этом случае тебя уже по всему городу начали разыскивать, — сказала я и увидела на лице Катерины неподдельный ужас. — Не волнуйся, сейчас я узнаю у одного знакомого, есть ли на тебя ориентировка?

— А если есть, что тогда?

— Тогда все равно надо идти на стоянку ■

и делать вид, что ни о каком трупе ты ни сном ни духом. Другого выхода у нас с тобой просто-напросто нет. Если вдруг тебя задержат, то ненадолго, снимут показания и отпустят. Ты ведь на самом деле могла ничего не знать о жмурике, на этом тебе и надо настаивать.

— Нет, мне как-то боязно. Я думала, что ты будешь везде за меня ходить, во всяком случае, мне Валька так и говорила.

— А кто такая Валька?

— Это моя подружка, она мне твой телефон дала.

— Значит, ты рассказала о случившемся своей подруге и до сих пор молчишь об этом?

— Нет, я ей ни о чем не рассказывала. Мы общались с ней только по телефону. Она мне как-то рассказывала, что к ней на работу приходила сыщица. Вы должны ее помнить, это Валя Мозалева, она работает кассиром на железнодорожном вокзале. Ты ей какие-то вопросы про пассажирку, купившую у нее билет, задавала и оставила свою визитку.

— Да, я припоминаю этот случай, Мозалева здорово помогла мне.

— Вот я и подумала...

— Нет, Катенька, на стоянку тебе придется идти самой, а я буду рядом и постара-

юсь тебя поддержать. Где она находится? Мы немедленно едем туда!

Актриса заартачилась, мне пришлось задействовать все свое красноречие, чтобы убедить ее в необходимости этого мероприятия. Она почти согласилась, а потом вдруг вспомнила о том, что я обещала у кого-то выяснить, объявлен ли на нее розыск. Разумеется, звонить я собиралась Володьке Кирьянову, моему давнему другу, подполковнику милиции, но сначала поинтересовалась фамилией своей клиентки. Затем, достав из сумки мобильник, набрала Ки-рин номер.

— Алло, — слышалось в трубке.

— Привет, Володя, у меня как всегда есть для тебя несколько вопросов, — начала я без всяких предисловий.

— Ты без этого не можешь, что ж, слушаю тебя. — Голос Кирьянова прозвучал весьма доброжелательно. — Что у тебя на этот раз?

— Меня интересует, не было ли вчера или сегодня ориентировки на Екатерину Барулину?

— В связи с чем?

— Какая разница! Меня просто интересует, не ищите ли вы эту женщину.

— Одну минуточку, сейчас посмотрю, — Владимир Сергеевич зашелестел какими-то ■

бумагами, потом сказал: — Нет, Танюша, она нас пока не интересуется. А что она направила?

— В том-то и дело, что ничего, но не исключено, что кто-то очень хочет ее подставить. Звякни мне, пожалуйста, если вдруг это имя всплывет в связи с каким-нибудь криминалом.

— Нет проблем.

— Спасибо, — ответила я и отключилась. Раз ориентировки на Барулину не было, я сочла, что другие вопросы задавать Кирьянову преждевременно.

— Что сказал твой знакомый? — поинтересовалась Катерина.

— Нет, правоохранительные органы тебя не разыскивают, поэтому можно смело идти на стоянку и требовать объяснений по поводу исчезновения «шестерки». Так в каком направлении надо ехать?

— Это здесь недалеко. Но следует сначала объехать Детский парк, свернуть на Рабочую, затем обогнуть драмтеатр, и там, через дорогу от служебного входа, будет стоянка.

— Ясно, — сказала я и включила зажигание.

Предстоящее мероприятие явно не вдохновляло актрису. Оно и понятно, Катя рассчитывала на то, что я все буду делать за

нее, а она окажется от всех ужасов, внезапно свалившихся на нее, в стороне. К тому же Катя, кажется, думала, что я буду заниматься ее проблемами задаром, из чистого любопытства и любви к процессу. Во всяком случае, она ни разу не обмолвилась про оплату. Я решила, что заговорю с ней об этом после того, как она посетит стоянку. Уж больно не хотелось портить ее боевой настрой.

Глава 2

Меня до последнего не оставляла мысль — вдруг артистка что-то напутала, например, оставила машину где-то в другом месте или с перепугу ее просто-напросто не разглядела сегодня утром через сетку-рабицу.

— Мы приехали, вон стоянка. Уже отсюда видно, что моей машины там нет, я ее в углу, прямо около забора ставила, а сейчас там пусто. Видишь?

— Вижу, — сказала я, нашла место для парковки и заглушила мотор. — Все, Катя, мобилизуй свои внутренние резервы и иди!

— Я понимаю, что это надо сделать, но все равно боюсь.

— Катя, чего именно ты боишься?

— Не знаю, после того, что случилось, ничего хорошего ожидать не приходится. ■

— Ладно, я пойду с тобой. Сейчас мы выходим из машины, подходим к воротам, ты демонстративно ищешь глазами свою «шестерку», естественно, не находишь ее, удивляешься и идешь, точнее, мы вдвоем идем качать права в будку к охраннику. Поняла? — Я в очередной раз обозначила Катерине ее роль, но она не спешила ее исполнять, несмотря на то что этот спектакль был в ее же собственных интересах.

Клиентка снова впала в ступор, и я не могла понять, как она справляется со своим волнением перед выходом на сцену. То же мне, актриса называется! Я деликатно заметила, что нам пора идти, но лицо Катеньки побледнело, будто вся кровь ушла в пятки, а рука, до которой я дотронулась, стала ледяной, несмотря на то что в салоне «девятки» было тепло.

— Так, ну мы идем или нет? — строго спросила я, устав ждать, когда Барулина самостоятельно придет в себя. — Боюсь, что мне придется отказаться от этого расследования, если ты будешь так себя вести. Что-то не получается у нас с тобой контакта!

Последнее замечание сразу привело Катерину в чувство, она встрепенулась, посмотрела на меня испуганно-молящим взглядом и сказала:

■ — Не бросай меня, мне больше поло-

житься не на кого. Я готова к разговору с охранником, но если только ты будешь рядом, так сказать, для подстраховки.

— Ну, хорошо, я подстрахую тебя. Не будем терять времени, вперед! — По моей команде мы одновременно открыли дверцы и вышли из машины.

Наверное, Барулина была все-таки неплохой актрисой, потому что она очень натурально сымитировала крайнее удивление и озабоченность тем, куда и каким образом исчезла ее машина, после чего быстрым, широким шагом направилась в сторону бендежки охранника. Я, разумеется, последовала за ней. Распахнув скрипучую дверь, Катя с порога бросила вопрос шупленькому дядечке лет пятидесяти, одетому в камуфляжную форму:

— Где моя машина?

Охранник, оторвавшись от телеэкрана, бросил на нас беглый взгляд и спросил:

— Простите, я не понял — что случилось? Какая машина?

— Как это что случилось? Вчера я оставила здесь свою «шестерку», а сейчас ее нет? Где она?

— Девушка, а вы уверены, что оставляли машину именно на этой стоянке? Знаете, такое иногда случается, клиент оставит где-нибудь свое авто, а потом квитанцию ■